

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Библиотечка газеты

Дмитрий Цвибель

МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

ПЕТРОЗАВОДСК

Библиотечка газеты «Общинный вестник»

Дмитрий Цвибель

МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

ПЕТРОЗАВОДСК 2006

УДК
ББК (2Рос.Кар)
Ц 28

Петрозаводская еврейская община
выражает благодарность

ФЕЛИКСУ БУХМАНУ (Израиль)

(פליקס בוכמן)

за помощь в издании этой брошюры.

Цвибель, Дмитрий

Мой еврейский вопрос /Дмитрий Цвибель; Еврейская религиозная община. –
Петрозаводск: Принт, 2006, 56 с.- (Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.11)

Ц 28

УДК
ББК (2Рос.Кар)

ISBN

Мой Шостакович

Летом 1968 года в разгар "Пражской весны", когда казался возможным социализм "с человеческим лицом", хотя бы в отдельно взятой стране, я решил написать Шостаковичу письмо по поводу его вокального цикла "Из еврейской народной поэзии".

Тут надо сказать, что этот цикл создан в 1948 году в период разнузданной компании против "космополитов", когда в январе был зверски убит Соломон Михоэлс, в ноябре арестованы деятели еврейской культуры, ликвидирован Еврейский Антифашистский Комитет, а его члены и сотрудники арестованы, когда сам Шостакович подвергся шельмованию за "формализм" в Постановлении ЦК ВКП (б) от 10 февраля "Об опере "Великая дружба" В. Мурадели". Это гражданский подвиг Шостаковича, не оцененный еще должным образом, это его вызов гнусной системе. Он, как истинный гений, никогда не примирялся с несправедливостью, дикостью, насилием. Дмитрий Дмитриевич рассматривал расизм, как проявление злодейства и по этой причине не причислял Вагнера к гениям ("... гений и злодейство – две вещи несовместные"). В 1950 году в свой день рождения Шостакович у себя дома устроил исполнение этого цикла! Публично же вокальный цикл "Из еврейской народной поэзии" был исполнен только в 1955 году в Малом зале ленинградской филармонии с участием автора.

В письме я писал, что этот действительно прекрасный цикл вряд ли будет исполняться впоследствии, потому что последние три его части фальшивые, типично советские, несут на себе отпечаток времени, что не может еврей найти своего счастья в колхозе, и предлагал их переделать. Писал я это в библиотеке города Симбирска (Ульяновска), где находился на гастролях с театром. Но вечером 20 августа, включив, как обычно, БиБиСи, я вновь услышал вой "глушилок" (некоторое время они не так усердствовали, и можно было что-то слушать "оттуда"), а утром радио и газеты сообщили об оккупации советскими войсками Чехословакии. Письмо я не отправил. Наступали новые времена.

В сентябре 1961 года в "Литературной газете" появилось стихотворение Евгения Евтушенко "Бабий Яр" - тогда это произвело огромное впечатление: впервые еврейская тема открыто прозвучала со страниц официального издания (прозвучала положительно). Шостакович написал на этот текст вокально-симфоническую поэму для баса и хора басов, но в процессе работы над ней замысел расширился, и появились еще четыре части, также на стихи Евтушенко, которые образовали симфонический цикл. Это и стало 13 симфонией. Творческий друг Шостаковича Е. Мравинский, первый исполнявший большинство его симфоний, начиная с Пятой, по непонятной причине отказался дирижировать этой. Певец Б. Гмыря, которому Шостакович предложил исполнить вокальную партию симфонии, после обращения за советом к украинским властям, тоже прислал письмо с отказом. За исполнение взялся Кирилл Кондрашин. За несколько дней до премьеры Хрущев на собрании творческой интеллигенции сказал, что Шостакович сочинил "какую-то симфонию "Бабий Яр", подняв никому не нужный "еврейский вопрос", хотя фашисты убивали не только евреев. В день премьеры 18 декабря 1962 года генеральная репетиция была остановлена: ждали звонка "сверху". Но премьеру симфонии, оказавшаяся под угрозой, все же состоялась – власти, очевидно, побоялись огласки за рубежом, так как на премьеру приобрели билеты дипкорпус и иностранные корреспонденты. Перед концертом Шостакович сказал своему давнему другу Исааку Гликману: "Если после симфонии публика будет улюлюкать и плевать в меня, не защищай меня: я все стерплю". По окончании симфонии публика стоя неистово аплодировала произведению и авторам, зато советская пресса обошла премьеру симфонии

полным молчанием! Для следующего исполнения пришлось заменить два четверостишья в первой части "Бабий Яр":

Мне кажется, сейчас я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я на кресте распятый гибну,
И до сих пор на мне следы гвоздей.

Было заменено на:

Я тут стою, как будто у криницы,
Дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы
С евреями лежат в одной земле.

И:

И сам я как сплошной беззвучный крик
Над тысячами тысяч погребенных.
Я - каждый здесь расстрелянный старик,
Я - каждый здесь расстрелянный ребенок.

На:

Я думаю о подвиге России,
Фашизму преградившей путь собой.
До самой наикрохотной росинки
Мне близкой всею сутью и судьбой.

Но и эти изменения не помогли – симфония на протяжении нескольких лет больше не исполнялась: власти "не советовали". Лишь после того, как стало известно, что 13 симфония готовится к изданию в Западной Германии, ее издали в СССР. Примечательно, что именно первая часть "Бабий Яр" вызвала такую реакцию властей, а не третья "В магазине". Хотя такие слова, да еще во много крат усиленные траурным характером музыки, должны были звучать приговором системе:

Кто в платке, а кто в платочке
Как на подвиг, как на труд,
В магазин поодиночке
Молча женщины идут.

Воистину, антисемитизм иррационален!

Мы с солисткой нашего Музыкального театра Раузой Сабировой в 1980 году записали на радио вокальный цикл Шостаковича на стихи Саша Черного "Сатиры". Полный юмора, задора, остроумия, этот цикл привлек наше внимание и своей злободневностью. (Цикл посвящен Галине Вишневской, но в изданных нотах это не значилось – к тому времени Вишневскую и Ростроповича лишили советского гражданства.) В программе радио было объявлено время передачи, я подключил к радиoliniии магнитофон, чтобы ее записать, и в назначенное время ... прозвучала другая

передача! Позвонив редактору, мы услышали извинения: оказывается, цикл не может быть дан в эфир из-за того, что Саша Черный - в черных списках! (Были такие "временно не рекомендованные к выдаче в эфир авторы и исполнители", среди которых, кстати, был и дирижер Юрий Аранович, работавший некоторое время в Петрозаводске.) Стихи, написанные в начале века, оказались опасными для "народной" власти спустя 70 лет. Позже, к 80-летию Дмитрия Дмитриевича, я подготовил программу из его вокальных произведений, куда вошли "Сатиры", на слова Саши Черного, "Четыре стихотворения капитана Лебядкина", на тексты из "Бесов" Ф. Достоевского, "Сюита на слова Микеланджело Буонарроти", "Пять романсов" на тексты из журнала "Крокодил", "Семь стихотворений А. Блока". Три вечера в Доме Актера царила музыка Шостаковича.

Так случилось, что мы очень редко разговаривал с папой наедине (как всегда на самых близких людей не хватает времени). Я знал, что папа не любил музыку Шостаковича. Ему чуждыми были музыкальный язык, выступления Шостаковича в печати и по радио (понятно, что он мог там тогда говорить), а вступление в партию в 1960 году дополняли общую отрицательную для папы картину. (Лишь после публикации за рубежом книги Соломона Волкова "Свидетельство. Мемуары Дмитрия Шостаковича" многое стало понятным. А Исаак Гликман, друг и секретарь Шостаковича, рассказал, что во время его посещения осенью 1960 года Дмитрия Дмитриевича в больнице, где тот лечил сломанную ногу, он сказал: "Меня, наверное, Бог наказал за мои прегрешения, например, за вступление в партию".) Я пытался переубедить папу, ставя пластинки с записями, доказывая, что музыка Шостаковича, как всякое настоящее произведение искусства, сама по себе противостоит тоталитарному режиму, пишет летопись своего времени. Что как человек он необыкновенно чуткий и творчески честный. Во время войны, находясь в Куйбышеве в эвакуации, после работы над такими громадными полотнами, как Седьмая и Восьмая симфонии, он нашел в себе силы закончить и оркестровать оперу своего ученика, погибшего в первые месяцы войны, Вениамина Флейшмана "Скрипка Ротшильда". А после войны ходатайствовал о ее постановке в Большом театре, но безрезультатно (концертное исполнение состоялось в Доме композиторов в Москве в 1960 году). Многие ли способны на такое?

Однажды во время нашей встречи я поставил 14 симфонию (это необычное произведение написано на тексты Ф. Гарсия Лорки, Г. Аполлинера, В. Кюхельбекера, Р. Рильке; сам Шостакович после ее написания признал эту симфонию самым лучшим из всего, что он создал). Папа внимательно прослушал ее, не останавливая. Помолчали. Потом поговорили о разных вещах, но, уходя, папа попросил еще раз поставить две последние части симфонии. Там такие слова:

О, Дельвиг, Дельвиг!
Что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где награда
Среди злодеев и глупцов?

.....

(В. Кюхельбекер)

И последняя часть "Смерть поэта" на стихи Рильке:

Поэт был мертв.
Лицо его, храня все ту же бледность,
Что-то отвергало...

.....

На папу симфония произвела большое впечатление. Он сказал, что это настоящая музыка, искренняя и очень сильная. Это была наша последняя встреча. Мы увиделись еще только раз на работе в театре 9 сентября 1972 года. Папе оставалось жить три часа.

Каждый раз, бывая в Москве, я посещаю два места, святых для меня – дом на Земляном валу, где жил Андрей Дмитриевич Сахаров и могилу Дмитрия Дмитриевича Шостаковича на Новодевичьем кладбище. На памятнике выгравированы ноты: D.S.C.H. - музыкальная анаграмма его инициалов. Шостакович широко использовал ее в своем автобиографическом Восьмом квартете, своеобразном реквиеме себе. Как он сам писал другу: "Можно было бы на обложке так и написать: "Посвящается памяти автора этого квартета". Там есть цитаты из его этапных произведений: Первой, Восьмой и Десятой симфоний, Фортепианного трио, Виолончельного концерта, оперы "Леди Макбет Мценского уезда" и тема песни "Замучен тяжелой неволей". Квартет написан в течение трех дней с 12 по 14 июля 1960 года. Может быть, это был ответ затравленного человека властям на навязчивое "предложение" о вступлении в партию?

Мое «самолетное дело»

В последних числах мая 1970 года моя подруга Ирина Бродская, работавшая тогда в нашем театре, осмотревшись вокруг, тихо сказала, что вчера ее вызвали в КГБ и расспрашивали обо мне, предупредив, что она не имеет права сообщать кому-либо об этом. Разговаривали с ней в номере гостиницы «Северная», арендуемом КГБ специально для подобных встреч, чтобы не привлекать внимание. (По иронии, в этом номере, который нам устроили по большому благу, мы с женой провели свою первую брачную неделю.) На следующий день о такой же встрече, но состоявшейся уже в университете, мне сообщил врач Юрий Нивин, предупредив, что дело серьезное, и что его почему-то еще спросили о двух врачах-евреях. Как выяснилось позже, вызывали еще некоторых моих близких знакомых, но не все отважились предупредить меня.

Надо сказать, что в течение нескольких лет я посещал Публичную библиотеку, читая старые газеты и журналы, собрания сочинений Ленина, Сталина, выписывая цитаты и материалы, связанные с интересующими меня моментами советской истории. Я, наверное, единственный прочитал все журналы «Большевик» («Коммунист») с 1924 года и послевоенную подшивку газеты «Правда» - довоенную не выдавали. Сделанные мной записи, собранные вместе, красноречиво обвиняли советскую власть во многих тяжких грехах: в антисемитизме, репрессиях, развязывании войны и т.п. Своими «открытиями» я охотно делился с друзьями, а также с убежденными коммунистами и адептами системы, вызывая у последних просто ярость. За это можно было получить хороший срок. Я срочно принялся уничтожать бумаги, ожидая обыска, снял с пиджака значок со звездой Давида.

4 июня меня вызвали в КГБ, и дежурный указал на комнату на первом этаже недалеко от входа. Сразу же туда вошли четыре человека. Симпатичный молодой офицер представил всех (их фамилии я не запомнил), представился сам – капитан Яровой – и обратился ко мне:

- Скажите, Дмитрий Григорьевич, зачем Вы читаете Ленина?

Я ожидал чего угодно, только не этого! Во-первых, меня впервые назвали по имени-отчеству (с тех пор, когда я слышу «Дмитрий Григорьевич», мне хочется протянуть руки для наручников); во-вторых, готовясь к встрече, я обдумывал различные варианты ответов, но не на такой вопрос (очевидно, они понимали, что нормальный человек читать это не будет). По БиБиСи, которое я регулярно слушал, давали рекомендации ответов на

стандартные в подобных случаях вопросы, написанные прошедшими допросы в КГБ советскими диссидентами, но такого там не было. Я стал что-то плести насчет того, что не получив высшего образования (кстати, в большой степени по вине КГБ, но это другая тема), я пытаюсь восполнить пробелы, что современному человеку необходимо знать труды ...

- Но наши враги тоже изучают классиков марксизма-ленинизма.

Разговор продолжался почти три часа. У каждого была своя определенная роль: капитан Яровой вел беседу достаточно корректно, направляя ее; другой время от времени встречал, не всегда кстати, пугая, что их организация не воспитывающая, а карающая, что я не знаю сколько в этом здании этажей *там* (выразительно показывая пальцем вниз), и вообще, они могут меня просто не выпустить отсюда; третий «доверительно» советовал лучше заняться девушками, рожать детей (может он и прав), а не заниматься ерундой; четвертый за все это время не сказал ни слова, просто смотрел пронзительными глазами куда-то вглубь, и от этого взгляда становилось не по себе. Во время разговора без стука открылась дверь, и солдат внес... венки (не сонетов)!

- Это для меня? – сострил я.

- Нет, - совершенно серьезно ответил капитан Яровой, - у нас будет возложение к Вечному огню (Республика в эти дни праздновала свое пятидесятилетие).

В подтверждение своей правоты по поводу существования государственного антисемитизма в СССР я достал, взятый с собой, свежий номер газеты «Комсомольская правда» (тогда газеты, естественно, были только государственные) с погромной статьей «Фашизм под голубой звездой», утверждающей, что евреи давно уже вымерли или растворились в других народах, поэтому такого народа нет, а название «еврей» просто присваивается различным далеким друг от друга этническим группам (интересно, кем присваивается и за какие грехи?). Капитан Яровой взял ее, ничего не ответил, обещал познакомиться. Тогда я впервые услышал много еврейских фамилий людей, занимающих достаточно высокие должности в Республике, названных в доказательство того, что у нас нет антисемитизма.

- А как эти люди проявляют себя, как *евреи*? - догадался спросить я.

Тот, кто постоянно запугивал меня, вскочил:

- А как они должны «проявлять себя»? Они живут в Советском Союзе! - и вышел, еще раз напомнив, что их организация карательная.

Меня отпустили около семи часов вечера. Капитан Яровой посетовал, что моим делом занимался целый отдел, а у них и без того хватает работы, и предупредил, что думать я могу что угодно, слушать какие угодно «голоса» (имелись ввиду западные радиостанции – единственный источник правдивой информации в то время), но если я буду продолжать распространять сведения, порочащие наш строй – меня ждет «соответствующее» наказание. Это была новая установка – раньше не то что слушать «голоса», но и думать было нельзя. Придя через некоторое время в Публичную библиотеку, я узнал, что газеты и журналы прошлых лет теперь можно получить только по специальному разрешению «компетентных» органов.

А 14 июня в ленинградском аэропорту «Смолярный» и в Приозерске арестовали 11 человек, собиравшихся угнать самолет в Швецию, чтобы потом перебраться в Израиль (в то время власти всячески препятствовали выезду евреев из СССР, и многие, подавшие заявления на отъезд, по несколько лет находились «в отказе», или по вымышленным обвинениям попадали в тюрьму или в «психушку»). Как оказалось, властям удалось узнать о замысле с самолетом заранее, и они, судя по всему, решили расправиться под эту марку с еврейским движением в стране. Последовали аресты в Одессе, Риге, Свердловске, Кишиневе. Мое дело, очевидно, просто не «дотягивало» до суда. Первый «самолетный процесс» состоялся в Ленинграде в декабре 1970 года (затем был второй ленинградский процесс, процессы в Риге, Одессе, Свердловске, Кишиневе).

В это время я находился в Ленинграде с театром на гастролях, и, узнав о начале процесса, сразу же пошел туда. В помещении городского суда шел ремонт, в коридорах было грязно, пахло известкой, некоторые переходы были перекрыты. Никаких указателей не было, но я почему-то, даже никого не спрашивая, быстро нашел то, что мне нужно (обратный путь мне дался гораздо труднее). Небольшое помещение, из которого лестница шла вверх, было почти пустым. На скамейке у стены в ожидании сидели несколько человек. На мой вопрос, где идет суд, кто-то кивнул в сторону лестницы. Тут я только заметил наверху военных, но, все же, двинулся в их сторону. Офицер, преградив мне путь, спросил куда я и есть ли у меня пропуск. На мой вопрос, какой может быть пропуск на открытый процесс (как было объявлено в газете) ответил, что зал маленький, желающих много, мест нет. Я сказал, что постою, на что он твякнул какое-то ругательство и схватился за кобуру (почти такая же сцена повторилась позже на процессе Александра Гинзбурга в Калуге в 1978 году!). Вскоре в заседании суда был объявлен перерыв, и публика, прилично одетая, важно спустилась по лестнице. Было заметно, что все между собой знакомы. А когда одна женщина неосторожно воскликнула: «Да здесь вся идеология Ленинграда!», все стало ясно – показательный процесс! Работников «идеологического фронта» учили, как надо поступать с этими евреями. 24 декабря огласили приговор: Марка Дымшица и Эдуарда Кузнецова – к расстрелу «за измену родине», остальным от 10 до 15 лет!

Прошло время. «Империя зла» развалилась. Еврейская жизнь вышла из подполья, давая все новые ростки, и вещи, немислимые еще несколько лет назад, стали нормой. Я приехал в Москву на очередной еврейский семинар, и нас повезли на встречу с Ицхаком Рабиным, приехавшим с официальным визитом в Россию. Встреча должна была состояться в Большой хоральной синагоге. До этого я ни разу в синагоге не был, и мне очень хотелось попасть туда. Я даже изменил своему правилу – не соваться туда, где много людей, но был буквально затерт толпой, и, не дойдя до входа, еле выбрался на волю. Народу собралось намного больше, чем синагога могла вместить. Вся улица была запружена людьми, пришедшими на встречу, охраной с собаками, вокруг на крышах домов видны были снайперы. Невдалеке, отдельно от всей этой кутерьмы посередине дороги одиноко прохаживался невысокий, крепкого сложения человек.

- Вы знаете, кто это? – спросил меня Александр Брод, редактор самарской газеты «Гарбут», приехавший вместе со мной.
- ?
- Эдуард Кузнецов. Я знаю его по семинару в Израиле, хотите познакомиться?

Я был изумлен. Я знал, что Кузнецову и Дымшицу под давлением мировой общественности тогда заменили смертную казнь на 15 лет, что Кузнецов, отсидев 8 лет, уехал в Израиль (кажется, его на кого-то поменяли – была с СССР такая практика) и стал главным редактором русскоязычной газеты «Вести», но никак не мог ожидать такой встречи.

Мы подошли. Эдуард Кузнецов узнал Сашу, разговорились. Оказывается он, как журналист, приехал освещать визит Рабина. Саша представил меня, и я сказал, что восхищен его мужеством, волей, что его пример оказал большое влияние на формирование еврейской самоидентификации у многих «неопределившихся» и т.п. Сказал также, что все дни «самолетного процесса» приходил и демонстративно «присутствовал» под дверью. (Один раз за мной увязался какой-то «проводящий», который поинтересовался, не родственник ли я кого-нибудь из подсудимых, кто я и зачем прихожу. Я, понимая с кем имею дело, представился, все спокойно рассказал и пригласил на спектакли нашего театра. Больше я его не видел.) Эдуард Кузнецов улыбнулся, ничего не ответив. Понятно, что он мог сказать? Тогда, 24 декабря я отправился в гостиницу «Октябрьская», а он – в камеру смертников. Есть некоторая разница.

Тут к нам подошел подвыпивший человек, лет 35, в новенькой камуфляжной кепке с полиэтиленовым пакетом в руке:

- Что это вы, евреи, всё мельтешите, нагнали охрану, чего боитесь?

- Ну, положим, охрана не наша, а ваша, - ответил Кузнецов.

Завязался глупый разговор, в котором тот, обращаясь к Кузнецову, все говорил, что против евреев ничего не имеет, что евреи хорошие врачи, но все же, что-то ему в евреях не нравится. И опять про охрану, собак, снайперов...

- А ты знаешь, с кем разговариваешь? – не выдержал я, - это знаменитый человек, один их героев нашего народа, был в свое время приговорен советской властью к расстрелу!

Мужичок как-то сразу протрезвел, выпрямился, уважительно протянул Кузнецову руку:

- За что тебя так?

- За измену родине.

- Ну, ты меня извини, я немножко выпил – кепку вот новую купил, сам понимаешь. Вообще-то я потомственный дворянин...

- Я тоже.

- Как это – еврей и дворянин?

- У меня отец из дворян, а мать – еврейка.

- Слушай, у меня тут еще осталось, давай?

Он полез в пакет:

- Уй, ..., пролилось!

Извлек старую мокрую кепку, выжал ее, достал бутылку:

- Ну, слабо с горла?

- Запросто.

Они распили пополам оставшуюся водку, «дворянин» аккуратно убрал пустую бутылку в пакет, пожал всем руку на прощание, поблагодарив за что-то, и пошел навстречу кавалькаде машин с премьер-министром Израиля.

Скончался Александр Гинзбург

Ветеран советского диссидентского движения Александр Гинзбург скончался утром в пятницу в Париже. Гинзбург родился в 1936 году, в 1959-1960 годах основал один из первых самиздатских журналов "Синтаксис", был одним из основателей Московской Хельсинкской группы. В 1979 году Гинзбург был выслан из СССР. Жил в Париже, являлся создателем газеты "Русская мысль". //«Эхо Москвы»

Андрей Дмитриевич

В начале июля 1978 года, находясь с театром на гастролях в Калуге, слушая вечером, как обычно, БиБиСи, я узнал, что в городе открывается процесс по делу Александра Гинзбурга, распорядителя Фонда Солженицына. Этот фонд, основанный на гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», был учрежден Солженицыным для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. На следующий день в местной газете появилась маленькая заметка, сообщающая, что в городском суде начинается слушаться дело «об антисоветской деятельности А. Гинзбурга, проживавшего на территории калужской области». Расспросив, где находится суд, я после репетиции направился туда.

Суд располагался в живописном месте, напротив Дома пионеров, на высоком обрыве, откуда открывался совершенно удивительный вид на бескрайнюю даль. С одной стороны здание суда граничило со старым парком, отделенное от него оградой, поросшей кустарником, с другой стороны через дорогу – огромный овраг. Попасть к зданию можно было только по единственной дороге, оканчивающейся тупиком. Уже на подходе было много милицейских постов, но пропустили без препятствий.

Перед зданием суда на равном расстоянии друг от друга прохаживались или стояли крепкие молодые парни в штатском, чья выправка сразу давала понять для чего они здесь (как выяснилось позже, они были командированы из Москвы и жили в одной гостинице со мной). Среди этих молодцев одиноко выглядел средних лет милиционер, казавшийся чем-то инородным. Невдалеке в небольшом скверике стояла группа из шести-семи человек. Молчали, чего-то ожидая. По обе стороны входа на стульях сидели «мальчишки». Я подошел, мне преградили путь, спросив, куда я направляюсь.

- На процесс.

- Ваш пропуск.

- Какой пропуск может быть на открытый процесс?

- Дело в том, что зал небольшой, и не может вместить всех желающих.

Я это уже слышал на «самолетном процессе», но здесь вежливо, спокойно.

Я отошел в сторону и огляделся. Что-то было почти нереальное во всем этом:

тихий теплый день, солнце, пробивающееся сквозь листву деревьев; лениво прогуливающиеся молодые люди в штатском; группа неважно одетых с усталыми лицами немолодых уже мужчин и женщин; какой-то корреспондент с иностранным фотоаппаратом на плече, любопытно осматривающийся вокруг; под деревом одиноко на спортивной сумке в сером костюме сидящий средних лет высокий мужчина. И тишина. А там, внутри здания идет суд, к которому приковано внимание всего мира, решается судьба человека, а может и не одного! Все это не складывалось в единую картину, не стыковалось одно с другим.

Неожиданно на дороге появился энергичный молодой человек, и смело направился к входу в здание суда. Привычным движением руки показал удостоверение и на приличном русском сказал, что он корреспондент «Франс пресс», специально прилетел из Парижа освещать процесс. Ему сказали, что в зале нет мест. Он предложил постоять.

- Одну минутку.

Дежурный ушел внутрь здания. Все с интересом ждали, чем это кончится.

Через некоторое время дежурный вернулся и сказал, что не разрешают... по причине пожарной безопасности.

Минут через пять из дверей почти выбежала молодая, но уже поседевшая женщина:

- Бандиты! Что они с Аликом сделали! Я его сначала не узнала!

Ее окружили друзья, те, что ждали в сторонке, и она говорила, говорила. Человек в сером костюме, сидевший под деревом встал и направился к группе.

- Андрей Дмитриевич, они бандиты! – женщина бросилась к нему, - но Алик молодец, держится хорошо, хотя очень бледный, узнал меня, кивнул.

Андрей Дмитриевич? Сахаров!!!

Это было время, когда в советских газетах всячески поносили академика Сахарова, публиковали письма «трудящихся» с его осуждением за его правозащитную деятельность. Еще в 1968 году на западе была опубликована его работа «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (в СССР появившаяся в самиздате), которая наметила всю дальнейшую деятельность Андрея Дмитриевича, как защитника прав человека. Основные темы – о войне и мире, о диктатуре, сталинском терроре, свободе мысли, демографические проблемы, загрязнение среды обитания и той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. Те же темы прозвучали и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», которую зачитала на церемонии присуждения академику Андрею Сахарову Нобелевской премии Мира за 1975 год его жена Елена Боннэр. Сам Сахаров не присутствовал на вручении премии, боясь, что советские власти не впустят его обратно на родину.

- Я хочу сделать заявление для прессы, – Андрей Дмитриевич произнес это спокойно, но прозвучало это очень весомо. К нему подошли корреспонденты из «Франс

пресс» и тот, с фотоаппаратом, оказавшимся корреспондентом какой-то английской газеты. Они отошли в сторону и стали записывать заявление Андрея Дмитриевича.

Оказалось, что был объявлен перерыв в заседании суда, хотя из зала никто не вышел, кроме жены подсудимого Александра Гинзбурга Арины Жолковской и его адвоката, и друзья достали термос, бутерброды, чтобы накормить их. Публику, присутствующую на суде, кормили в буфете внутри здания. Неожиданно термос выпал из чьих-то рук и разбился. Наступила неловкая пауза.

- Это к счастью, – сказал я.

- Да, да, к счастью, – подхватил кто-то: очень хотелось в это верить.

К группе подошел Андрей Дмитриевич:

- Я пойду на почтамт, позвоню в Москву.

В Москве в это же время шел громкий процесс над Анатолием Щаранским, «подкупленным международным сионизмом и империализмом», как писали советские газеты, обвиненным в шпионаже и измене Родине. Там «дежурила» Елена Боннэр (Надо сказать, что на время всего процесса международная телефонная связь с Калугой была прервана, а из гостиницы, в которой разрешено было поселиться только жене Гинзбурга Арине, и междугородняя).

После перерыва Арина вернулась в зал заседаний (из всех друзей Гинзбурга, туда допустили только ее), а группа вместе с корреспондентами перешла на солнечную сторону улицы, и завязался разговор. Среди присутствующих оказался известный советский физик-ядерщик Сергей Поликанов, который, узнав, что корреспондент из Парижа, рассказал анекдот:

Один говорит другому:

- Что-то опять в Париж захотелось!

- Часто там бывал?

- Нет, часто хотелось.

Вернулся Андрей Дмитриевич, и они с Поликановым стали прогуливаться по дороге рядом с судом. Непонятно откуда навстречу им появились двое «прохожих» (появились именно с той стороны, откуда прохода нет). Поравнявшись с ними, один, зло глядя на Сахарова:

- Сахаров... Небось, Цукерман какой-нибудь.

Поликанов вздрогнул от неожиданности, затем с усмешкой:

- Глас народа!?

Андрей Дмитриевич примирительно:

- Ну, ладно, люди на работе.

Действительно «на работе», иначе и не могло быть: откуда советский человек мог знать Сахарова в лицо? По телевидению не показывали, в газетах портрета не печатали, всю жизнь был засекречен. А вообще, интересно задуматься над тем, что в СССР (да и сейчас в России) слово **еврей** или еврейская фамилия употребляются как **обвинение** человека в чем-то.

Вечером у гостиницы, куда проводили Арину, можно было наблюдать любопытную картину: в крохотный «Запорожец», еще первого выпуска, за рулем которого сидел Поликанов, втиснулся, сложившись чуть ли не вдвое Андрей Дмитриевич, и они поехали в Москву, так как ночевать в Калуге им было негде. И так все дни пока шел процесс!

На следующий день перед тем, как идти на процесс, я зашел на рынок и купил пять роскошных алых роз. Мизансцена у суда была прежней. Интересно, что кроме меня и все тех же друзей Гинзбурга, ночевавших неизвестно где, никого посторонних не было. Власти зря опасались проявлений какого-либо интереса, уже не говоря о протесте советских людей против происходящего. Уже заканчивался перерыв в заседании, и я, подойдя к Арине, протянул цветы:

- Держитесь!

Она улыбнулась, хотела что-то сказать, но ее окликнули – начиналось заседание. Помахав цветами, она скрылась за дверью. Я представил ее в зале суда, среди нагнанных туда каких-нибудь номенклатурных идеологических работников райкомов, горкомов и т.п. с букетом алых роз! Должно быть, впечатляющая картина! Но это продолжалось не долго. Минут через десять Арину вывели из зала суда якобы за реплику, брошенную ею в ходе показаний одного из «свидетелей» по поводу «аморального образа жизни» Александра Гинзбурга. Ее окружили друзья, подошел Андрей Дмитриевич. Корреспондент попросил разрешения сфотографировать ее с букетом роз на фоне здания суда. Охрана подошла и вежливо попросила отойти подальше и снимать так, чтобы здание не было в кадре. Вся группа переместилась на другую сторону улицы. Андрей Дмитриевич остался один. Я подошел и сказал:

- Андрей Дмитриевич, Вы – великий человек. Вам поставят памятник в России. Не думайте, что все в нашей стране подонки.

Он удивился, улыбнулся своей какой-то светлой детской улыбкой, но ничего не ответил. К нему подошел Поликанов и отвел для какого-то разговора.

Я, поставив на землю портфель, стал ждать дальнейших событий.

- Это Ваш портфель? – вдруг вывел меня из раздумий негромкий твердый голос. От неожиданности я даже вздрогнул – прямо передо мной стоял человек в штатском. Я обернулся – сзади с каким-то извиняющимся выражением лица стоял молодой милиционер.

- Возьмите портфель и следуйте за мной, – все так же негромко приказал молодой человек.

Мы двинулись в сторону перегороженных двумя грузовиками ворот во двор суда. Протиснувшись между ними, оказались внутри уютного дворика. Из боковой двери вышел еще один молодой человек, который потребовал у меня паспорт. Меня обыскали, попросили вынуть все из портфеля. Там оказались ноты – я шел с репетиции. Спросили, что я делаю в Калуге.

- Это кто? – оживился штатский, доставая фотографию, которую я всегда ношу с собой.

- Папа.

Интерес сразу пропал и, забрав паспорт, молодые люди скрылись за боковой дверью в здании суда.

- Не связывайтесь с ними, – неожиданно произнес милиционер, – ничего хорошего от них ждать нельзя.

Я поблагодарил его. Один из молодых людей вернулся, отдал мне паспорт и предупредил, что если я еще раз появлюсь здесь, у меня будут большие неприятности. Затем показал на незаметную калитку в глубине двора и попросил уйти через нее.

- А как же я найду дорогу?

- Вам покажут.

Я не понял, но пошел к калитке, через которую попал на задворки городского парка. Пройдя несколько шагов по тропинке, увидел двоих молодых людей, сидящих на какой-то самодельной скамейке и играющих в шахматы. С такой выправкой только в шахматы и играть!

- Вы откуда?

- Оттуда, – я указал назад, – как мне пройти к выходу из парка?

Они понимающе кивнули и показали путь. Через поворот тропинки опять сидели «шахматисты».

Выйдя из парка, я пошел в гостиницу. Стал накрапывать дождь. На душе было гадко. По щекам потекли слезы – слезы бессилия.

Соколы Жириновского

Март 1985. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Михаил Горбачев, провозгласивший новый политический курс гласности и перестройки. Еще некоторое время государственная машина работает по инерции, но уже через полтора года освобожден из ссылки А.Д.Сахаров (причем Горбачев лично позвонил ему в Горький), начинают получать разрешение на выезд в Израиль «отказники», в журнале «Огонек» печатаются публикации, немислимые за все время существования этого издания. Появляются независимые еврейские организации, прежде всего в Москве: «Союз учителей иврита», возглавляемый Л.Городецким, «Еврейское историческое общество» во главе с В.Энгелем. Именно с этого времени можно говорить о создании в СССР независимого еврейского движения. И хотя в июле 1987 г. был разогнан митинг еврейской общественности против антисемитизма в Парке Дружбы на Речном вокзале, организованный М.Членовым, «процесс пошел», как говорил Горбачев, – остановить это движение было уже нельзя.

Чтобы не потерять контроль за происходящим, власти сами решили создать несколько общественных и политических структур. Это делалось для того, чтобы направить формировавшееся демократическое движение в стране в нужное им русло, да и международное мнение, к которому стали прислушиваться, было важным для укрепления позиций нового руководства. В ноябре 1988 г. в Москве был торжественно открыт Еврейский Культурный Центр им. С.Михоэлса. Однако расчеты властей на подконтрольность данной организации не оправдались – еврейские активисты, вошедшие в состав правления, стали использовать помещение Центра для своих целей – чтения лекций по еврейской истории, преподавания иврита и пр. Тогда в противовес Центру в том же 1988 г. создается еще одно еврейское общество – Шолом на базе еврейского театра Шолом, во главе с бывшим первым секретарем Биробиджанского обкома партии Шапиро. В правление вошли назначенные властями люди из Антисемитского Комитета Советской Общественности, хотя было и несколько активистов еврейского независимого движения. Вошел в состав правления и Владимир Жириновский, как юрисконсульт общества. Но, поскольку, как обычно, все было сделано неуклюже, это общество благополучно довольно скоро прекратило свое существование, и о нем не вспоминают.

В 1989 году так же сверху была организована Либерально-демократической партии России (ЛДПР), которую с 31 марта 1990 года возглавил Жириновский. Он оказался крайне эксцентричным, ярким политиком. Его выступления в Думе, на пресс-конференциях, в прессе всегда отличаются парадоксальным мышлением, неожиданными поворотами и быстротой реакции на задаваемые вопросы. Частые скандалы, устраиваемые им по любому поводу, удивительным образом только укрепляют его популярность, хотя мало кто относится к нему серьезно.

Может быть, такое поведение можно частично объяснить его пестрой биографией. Родился он в 1946 году в Алма-Ате. В том же году его отец Эйдельштейн Вольф Исакович погиб в автокатастрофе. Мать Александра Павловна Жириновская осталась с шестерыми детьми на руках. До 18 лет Жириновский носил фамилию отца. Окончил с отличием Институт восточных языков (впоследствии Институт стран Азии и Африки) при Московском государственном университете по специальности «Турция и турецкий язык» в 1970 году, вечернее отделение юридического факультета МГУ по специальности «юрист» в 1977 году. В 1969—1970 годах проходил стажировку в Гостелерадио и Госкомитете по внешним экономическим связям СССР. В 1970 – 1972 годах служил в Вооруженных Силах в войсках Закавказского военного округа. В 1972 – 1975 годах работал в секторе Западной Европы международного отдела Советского комитета защиты мира, в 1975 – 1977 годах – в деканате по работе с иностранными учащимися Высшей школы профсоюзного движения. С 1977 по 1983 год – сотрудник Иньюколлегии

Министерства юстиции СССР. С 1983 по 1990 год возглавлял юридический отдел издательства «Мир». С 1990 года – председатель Либерально-демократической партии России (член ЛДПР – с 1989 года). С 1993 года – депутат Государственной Думы. Председатель думской фракции ЛДПР. Владеет английским, французским, немецким и турецким языками. Автор многочисленных книг, публикаций, нескольких автобиографий. Издал полное собрание своих сочинений в 55 (!) томах.

Жириновский сразу обратил на себя внимание еще во время предвыборной кампании, когда в расклеенных плакатах было написано, что мама у него русская, а папа юрист.

Первые же публичные выступления Жириновского вызывали скандалы. Например, он обратился к тогдашнему спикеру Верховного Совета Руслану Хасбулатову с призывом разогнать «антирусское и антигосударственное» правительство Бориса Ельцина и взамен предложил свой собственный теневой кабинет, где министром безопасности был писатель Эдуард Лимонов, а курировать сферу культуры поручалось лидеру панк-группы «ДК» Сергею Жарикову.

Последующие действия Владимира Вольфовича были не менее экстравагантны. Вот отрывок из стенографической записи одного из его первых выступлений в Думе: «Учитывая, что парламент не готов еще, он должен поработать. Это первый класс. Когда вы перейдете в третий класс осенью 1995, и здесь будут сидеть в основном представители нормальных демократических партий, которые никогда не будут прерывать оратора... (А. Чубайс молча показывает председательствующему на часы.)

Господин Чубайс, вы это будете в камере показывать, в Лефортово, чтобы вам дали обед.

И ходит поп Якунин. Его лишили права носить сан и крест, а он ходит, оскорбляя русскую церковь. А господин Чубайс машет рукой, потому что это последние дни свободы. Я уже сказал премьер-министру, что пока Чубайс, Козырев, Федоров находятся в правительстве, это правительство не сможет ничего сделать».

Или: «Учитывая, что пока в правительстве есть такие как Козырев, Чубайс, Гайдар и Федоров и небольшая часть, буквально 30 процентов таких же депутатов, буквально каждый день видеть их глаза и лица – это отрицательно сказывается на моем здоровье, а мое здоровье нужно всему русскому народу, который не картавит и никогда не имеет двойного гражданства, я временно снимаю свою кандидатуру и ожидаю выборов президента России. А уж потом я с вами поговорю!»

Кстати, докторская диссертация, которую Жириновский защитил в 1998 году, называлась «Прошлое, настоящее и будущее русской нации». (По поводу этой диссертации интересно замечание Льва Московкина: «Жириновского мои нападки на него всегда успокаивали, а протест на его докторскую диссертацию вызвал парадоксальное удовлетворение думского «городского сумасшедшего». Диссертация была удивительно талантливой калькой новейшей истории евреев с заменой прилагательных «еврейский» на «русский».)

В это же время (1988-1989 гг.), благодаря тому, что комсомольские структуры уже не были обязаны отчитываться перед партийными и государственными органами о своей деятельности по регистрации при себе различных организаций, Леонид Ройтман зарегистрировал при МГК ВЛКСМ Международный центр по изучению и распространению еврейской культуры «Тхия» (МЦИРЕК «Тхия»). Через некоторое время он регистрирует уже при Центре «Комитет по вопросам репатриации», целью которого была помощь желающим уехать в Израиль. В течение нескольких лет Комитет был единственной легальной организацией консультирующей выезжающих, помогающей в оформлении виз и переводившей деньги за рубеж. Ройтман предложил почти гениальный ход: он организовал фирму «Израсов», и люди, собирающиеся выехать в Израиль или

Америку, клали деньги в банк «Столичный» на ее счет, написав расписку, что эти деньги они дарят на благотворительные цели. Приехав по новому месту жительства, они шли там в банк и снимали свои деньги. Это дало возможность Ройтману скупить в районе станции метро «Таганская» целый квартал площадью 17 тыс. метров, сдавать эти дома в аренду, получая приличную прибыль, так как цена на эту недвижимость росла с каждым годом. Его офис и квартира, в которой он жил с семьей, были прямо напротив посольства государства Израиль на Большой Ордынке 51. Большую часть денег Ройтман тратил на содержание МЦИРЕК «Тхия», имевший помещения в бывшем Доме культуры у станции метро «Тульская», на Комитет по вопросам репатриации, консультанты которого работали во многих уголках необъятного Советского Союза и на всевозможные благотворительные цели. Он, например, подарил одноэтажное деревянное здание площадью около 140 кв. метров еврейской общине Омска, давал деньги на проекты по возрождению общинной жизни в провинции. И наша община получила от него некоторую сумму, позволившую сформировать продовольственные пакеты нуждающимся.

В 1995 году Комитет, где я уже год работал консультантом, пригласил меня на очередной семинар повышения квалификации. Семинар проходил в одном из подмосковных пансионатов. Разместившись в номерах, мы, а это человек 60 – 70 со всех концов России от Калининграда до Камчатки прошли в столовую. Столы стояли длинными рядами, и один ряд уже был занят. Там сидели молодые парни, атлетического сложения с лицами, которые не очень хочется встречать на своем пути. Большинство были коротко пострижены. Сидели тихо, почти не разговаривали. Мы тоже сбавили тон и расселись. Принесли еду. Тут в зал энергично вошла молодая красивая статная женщина и направилась к этим ребятам. Все еврейские носы проследили ее путь, и она как королева воссела во главе стола. Это повторялось каждый раз, когда мы находились в столовой. Пропустить такой момент было выше наших сил. После завтрака выяснилось, что эта группа тоже приехала на семинар, который проводит ЛДПР для своих руководителей на местах. Стены коридоров и аудиторий, где они занимались, были увешаны плакатами, призывающими «спасти Россию» (от кого, им, очевидно, объясняли на семинаре), портретами самого Жириновского в военной форме, его изречениями. Это было время, когда Жириновский однозначно выказывал неприязнь к евреям, пользовался популярностью и реально мог придти к власти. Чему учили, кто читал лекции этой молодежи, с чем эти «соколы Жириновского», как их называли, разлетятся по домам, сказать трудно. Но наши занятия проходили бок о бок на одном этаже. Очередная ирония судьбы? Во время перерывов все выходили на улицу, разбивались на группы, так и общались, не перемешиваясь, не заходя на территорию друг друга – можно было безошибочно определить кто есть кто. Те бросали в нашу сторону недоброжелательные взгляды, отпуская, очевидно, всякие шуточки, так как время от времени раздавался их гогот. Мы тоже не прикидывались овечками.

Занятия у нас были очень напряженными, преподаватели – из Израиля, большинство приезжали прямо из аэропорта. Это были представители служб министерства абсорбции, социального страхования, медицинского обслуживания, банковские служащие, посольские работники, русскоязычные политические деятели – все те, кто непосредственно занимались прибывшими репатриантами. Так что информацию мы получали, как говорится, «из первых рук». В конце семинара писали тест по американской системе, и от набранных баллов зависела квалификация, а не набравшие минимума не допускались до работы. Сам Леонид Ройтман, оплачивающий все это мероприятие, встречался с каждым участником, беседовал, расспрашивал о состоянии общинных дел на местах, интересовался нуждами и в большинстве случаев помогал финансово. Он ежедневно уезжал в Москву по делам, и поэтому встречи были расписаны по минутам и заканчивались в 2 – 3 часа ночи. Я тоже записался на прием и стоял у его номера ждал вместе с другими. Передо мной зашла группа из Минска – у них возникла проблема: чтобы успеть в понедельник на работу, они должны были выехать домой до

окончания Субботы. Леня категорически возражал, и отказывался в таком случае оплачивать билеты. Разговор становился все громче, страсти накалялись. Руководитель группы уже почти прокричал, что он начальник цеха, и если он не появится на работе в понедельник, цех будет стоять. «Сколько стоит простой цеха?» – очень тихо спросил Леня. Тот назвал какую-то сумасшедшую сумму. «Я оплачу» – так же тихо произнес Леня. Сказать, что наступило молчание – ничего не сказать. Это был шок! Молчание повисло в воздухе, было почти осязаемым. И в номере и в коридоре ждали, что будет дальше. В конце концов, нашли вариант с самолетом через какой-то другой город, стоивший тоже больших денег, но зато Суббота не нарушалась. Из комсомольского работника Леня превратился в глубоко верующего человека, три раза в день совершал молитву. Являясь гражданином Израиля, посчитал своим долгом поселиться там на «территориях» по идейным соображениям, хотя имел к тому времени уже троих или четверых детей, и это было небезопасно. Как-то раз позвонили из Москвы – там что-то случилось важное, и нужно было срочное вмешательство Ройтмана, но им ответили, что Леня молится. Трубка покраснела от слов, которые сказали по этому поводу на другом конце провода, но это ничего не изменило – Леня молился.

К концу семинара, в пятницу мы обратили внимание на то, что от входа в здание до большого зала проложены ковровые дорожки, плакатов стало больше, и часов в 12 услышали вой сирен, и к нашему корпусу подкатили два черных «Мерседеса» с мигалками. Выстроился почетный караул, и из машины вышел Жириновский в военной форме с «сопровождающими лицами». Он прошел в зал, где состоялся акт посвящения «соколов». Затем в фойе Владимир Вольфович встал под флагами России и ЛДПР, а к нему по очереди подсакивали «птенцы гнезда Володи», и фотограф запечатлевал этот исторический момент, чтобы потом в офисах на местах красовался этот снимок, подтверждая факт личного знакомства руководителя местной организации ЛДПР с ее лидером. Опять взвыли сирены, и машины умчались, а счастливые «соколики» пошли отмечать это дело.

У нас тоже был праздник – Шаббат. Леня привез на своих «Жигулях» кашерную еду из Москвы, сам разгружал все это, мы только помогали. Поставили столы, женщины приготовили праздничную трапезу, зажгли свечи, Леня раздал молитвенники, и началась молитва. Я молился впервые. Это было очень сильное чувство. Мы стояли в небольшом помещении, было тесно, душно, но от того, что все вместе произносили одни и те же слова, чувствовали дыхание друг друга, русские слова переплетались с ивритом, и ощущение того, что называется Шхиной – Б-жественным присутствием – все это вызывало необыкновенное состояние приподнятости и даже счастья. После молитвы я попросил Леню подарить мне сидур. Это первый сидур, который я стал читать. Потом мы сели за субботний стол.

Уже поздно ночью, поднявшись на свой этаж, я увидел, как двух пьяных парней вталкивает в номер та женщина, от которой мы не могли оторвать глаз. Я пошел за ключом и, вернувшись, увидел, как она же тащит очередного «сокола», который почти висел на ней и пытался что-то говорить, глядя совсем в другую сторону. Я подошел, предложил помочь. Мы вместе доволокли его до номера, и она, закрыв за ним дверь на ключ, брезгливо произнесла: «чтобы не вылез обратно». Волосы у нее растрепались, платье помялось, слегка пахло спиртным. «И Вам приходится иметь дело с такими!..» – посочувствовал я. Она посмотрела мне в глаза, часто заморгала и отвела взгляд. Мы разговорились. Оказалось, что ее зовут Наташа, она работает на Жириновского, руководит этим семинаром, живет в Москве. В течение круглого года на неделю здесь собирают молодых парней, готовят их и отправляют по местам. Воскресенье – выходной, а с понедельника – очередная партия. Она замужем, имеет ребенка: «Платят хорошо. Надо растить дочь. Вы не бойтесь, Жириновский вас не тронет, если придет к власти, он не такой на самом деле, как кажется со стороны». Мы разговаривали довольно долго, но одну ее фразу, сказанную со щемящей горечью, я вспоминаю часто и сейчас:

«Вам хорошо – у вас есть возможность уехать отсюда. А нам-то что делать?»
Действительно, это многое может объяснить.

Прошло время. В 1996 году Комитет по вопросам репатриации был распущен: российские власти арестовали имущество, принадлежащее Ройтману, он обанкротился. В Израиле он не смог расплатиться с теми, у кого брал деньги. Разразился скандал. Поскольку он работал в контакте с правительством Израиля, часть задолженности оплатило государство. Почти 10 лет шло разбирательство. Как доказало следствие, деньги, полученные от клиентов, Л.Ройтман вкладывал в рискованные предприятия, и 22 октября 2003 года суд признал Леонида Ройтмана виновным в хищении 18 миллионов долларов, приговорил его к 10 годам лишения свободы и штрафу в 1 млн. шекелей. Леня отказался признать себя виновным, а его адвокат заявил о намерении опротестовать приговор в суде высшей инстанции.

Владимир Жириновский до сих пор находится в центре внимания. Совсем недавно он заявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 2008 года. О своих возможных оппонентах он сказал, что «это уже остатки, объедки, политическая помойка, перспектив нет». Это притом, что его «соколы» на местах так и не смогли организовать жизнеспособную партию, и ЛДПР практически существует как партия одного человека. Хотя многие идеи, высказываемые Жириновским, находят своих продолжателей. Так коммунист Иван Никитчук, выступая в Думе (2003 г.) объяснил ранние половые контакты, насилие и наркоманию в России тем, что все это показывают на телеэкране, и потребовал прекратить «разнузданную синагогу» (!) на телевидении. А Владимир Владимирович «за заслуги в укреплении российской государственности и активную законотворческую деятельность» пожаловали Владимиру Вольфовичу звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». (Вспомним: папа – юрист. А если слово юрист заменить на то, что должно там быть?)

Вот так «причудливо тасуется колода».

Рош ha-Шана 67-го, и ничего еврейского

5 июня 1967 года. Из радиоточки неслось: «израильские агрессоры», «зарвавшиеся сионистские заправилы», «приспешники мирового империализма», «арабские страны дают достойный отпор агрессору», «израильские войска несут большие потери»... На ближнем востоке началась уже давно готовившаяся война. Папа слушал со слезами на глазах: «Как жалко, что мой отец не дожил до этого часа – он был бы счастлив, услышав, что евреев называют «агрессорами»! Столько времени их только убивали, притесняли, унижали, и вот теперь – агрессоры! Наконец-то пришло время, когда евреи могут постоять за себя!» И он ходил какой-то просветленный, даже ростом стал выше. Тогда мне было не очень понятно, чему папа радуется. Я не отрывался от своей «Спидолы» – своеобразного символа той эпохи – радиоприемника, по которому из радиопередач «оттуда» только и можно было получить достоверную информацию о том, что творится в мире.

Свой первый радиоприемник я собрал сам – мы жили достаточно бедно, и купить приемник было не по карману. Я стал радиолобителем, членом радиоклуба ДОСААФ, мастерил приемники, имел свой позывной, выходил в эфир, даже начал собирать свою радиостанцию, но поступил на работу в театр (в 1963 году) и пришлось, из-за недостатка времени, все это бросить. Но еще долгое время мы с папой слушали всякие, как тогда говорили, «вражеские голоса» по моим приемникам.

Сквозь рев «глушилок» пробивались лишь отдельные слова и фразы. Но, поскольку новости передавались каждые полчаса, эти слова и фразы складывались в общую картину, и можно было составить полное представление о том, что происходит на самом деле. А на самом деле происходило не то, о чем сообщали советские газеты и радио. Можно сказать даже – прямо противоположное: в первый же день войны была уничтожена почти вся

авиация Египта и Сирии, а 7 июня был полностью освобожден Иерусалим. 10 июня война закончилась разгромом трех арабских армий – Египта, Сирии и Иордании. В этот же день Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. Теперь эта война, вошедшая в историю под названием Шестидневной, изучается во многих военных академиях мира.

В интерпретации советских газет это выглядело несколько иначе: «Арабы сплачиваются», «Вероломство захватчиков», «Каир в эти дни», «Израиль играет с огнем» – партийное перо Евгения Примакова, корреспондента газеты «Правда» в Каире, большого друга всех арабских народов, в ущерб своему, скребло бумагу, будоража пламенные сердца советских людей. «В сердце каждого советского человека бушует чувство возмущения против израильских агрессоров, нацеливших свое жало в благородное сердце арабских народов» – подхватывал бывший «композитор-формалист» Ваню Мурадели. За ними шли уже народные массы: рабочие рыбо-консервного завода города Хачмас, Азербайджанской ССР вместо того, чтобы выпускать высококачественные консервы на уровне мировых стандартов, гневно осуждали зарвавшихся сионистов. На брянском машиностроительном заводе «дизелист А. Богданов, заточник вагонного цеха М. Шебловский, мастер С. Жмакин и другие, выступая на митинге, с гневом говорили об агрессивных действиях Израиля, начавшего войну против народов арабских стран...» «Советские люди выражают горячую поддержку борьбе арабских народов...» «Мы, металлисты, единодушно поддерживаем!» В ответ на агрессивные действия израильской военщины, металлурги пообещали увеличить свои плавки. А 10 июня ткачиха Розия Азимова потребовала от Израиля «немедленно прекратить военные действия против ОАР и других арабских стран». В тот же день война прекратилась.

«Народы арабских стран, которых поддерживает вся прогрессивная общественность» положили на поля сражений более 15 тысяч своих солдат, оставили в плену около 6 тысяч, потеряли вооружений, великодушно предоставленных миролюбивым Советским Союзом, на миллиарды долларов. Нелишне напомнить, что накануне войны герой Советского Союза президент Египта Гамаль Абдель Насер заявил, что если вспыхнет война, она будет тотальной и ее цель – «уничтожение Израиля».

После такой блистательной победы Израиля в еврейских кругах царил эйфория. Молодые люди на Западе даже ходили с перевязанным глазом ala Моше Даян (министр обороны Израиля – как пел Высоцкий – «стерва одноглазая»), и, несмотря на развернувшуюся антисемитскую кампанию в СССР, к евреям, на бытовом уровне, стали относиться уважительно. Сильных уважают! Началось бурное пробуждение национального самосознания, гордости за свой народ. Многие тогда впервые осознали себя евреями.

Осенью 67-го группа артистов балета нашего театра выехала на гастроли с концертами на телевидении. Мы оказались в Орджоникидзе (Владикавказе) 5 октября, и по Голосу Америки передали (с приемником в то время я не расставался), что «сегодня евреи впервые за многие годы встречают Новый год у Стены плача, освобожденной в ходе Шестидневной войны».

Тут нужно сказать, что влияние передач Голоса Америки по еврейской тематике на формирование еврейской самоидентификации в СССР было значительным, по крайней мере, для жителей небольших городов вне бывшей «черты оседлости». Для лишенных каких-либо источников информации (достаточно сказать, что за провоз Библии из-за границы – а в стране она не издавалась – можно было получить до пяти лет тюрьмы), эти передачи были почти единственной возможностью узнать что-либо о традиции своего народа, его истории, культуре, праздниках.

Я побежал в магазин, взял четыре бутылки сухого вина и пригласил своих друзей. В маленьком номере собралось человек двенадцать. Мы выпили вино, съели все, что у кого было. Повеселились. Меня поздравляли. Тогда я не знал ни законов Рош ha-Шана, ни вообще, что это за праздник. Единственно, что знал из передач Голоса Америки, что надо

желать друг другу: «В следующем году в Иерусалиме». Тогда Иерусалим был для меня «где-то там», скорее был неким символом, чем реально существующим городом.

В Советском Союзе развернулась очередная антисемитская кампания, на сей раз под видом «антисионистской» – партия творчески подходила к своему делу, каждый раз подбирая новую «оболочку» – достаточно вспомнить «троцкистов», «вейсманистов-морганистов», «безродных космополитов», «врачей-убийц». (И в наше время «дело партии живет и побеждает»: сейчас при явном попустительстве, чтобы не сказать потворстве властей муссируется идея о «человеконенавистническом иудаизме».) Газеты, радио, телевидение громили «сионистов и их приспешников», появилась целая библиотечка антисемитских книг: «Осторожно – сионизм», «Земля обетованная без прикрас», «Израиль и ФРГ», «Фашизм под голубой звездой», «Сионизм: идеология и политика» – подсчитано, что за период с 1967 по 1969 вышло 22 названия, а с 1970 по 1974 – 134! Среди авторов были и евреи. Особо усердствовал некий Цезарь Солодарь, не к ночи будет помянут, со своими «разоблачениями происков мирового сионизма».

Апофеозом этой вакханалии стала печально известная пресс-конференция на телевидении в марте 1970 года «граждан еврейской национальности», среди которых были известные широкой публике люди. Они выступали с гневными антиизраильскими заявлениями и подписали письмо, осуждающее сионизм и «агрессивный Израиль». Жалко было смотреть на несчастного Аркадия Райкина, который ничего не говорил, но для устроителей этого фарса был важен сам факт его присутствия. Очевидно, Райкин побоялся отказаться от участия «во всем этом» из-за будущего своих детей – сын Константин учился в Театральном училище им. Б.В.Щукина, дочь Екатерина – актриса Театра им. Вахтангова. С актерами так легко расправиться!

Художникам запрещено было изображать... снежинки такими, какими их создала природа – шестиугольными. Бдительность партии не знала предела! И вот к Новому году в оформлении магазинов, на плакатах, открытках появились снежинки-уроды: пяти-, семи-, восьми- и т.д. угольные...

Вообще, диктат партии в области литературы и искусства был всеобъемлющим (Осип Мандельштам говорил: «Поэзию понимают только у нас – за нее расстреливают»). Проверялось все и вся. Переводные книги выходили с купюрами, причем убирались даже отдельные слова, которые могли хотя бы косвенно указать на «нежелательные» ассоциации. В 60-70 годах, когда партия в очередной раз боролась с религией, были запрещены к публичному показу кресты, на телевидении нельзя было показывать... людей с бородой! В нашем театре в это время ставился балет «Кижская легенда», в котором, естественно, в оформлении должен был быть кижский собор. Казалось бы, тупиковая ситуация. Но недаром советские деятели искусств прошли школу выживания при этом режиме. Художник спектакля Борис Кноблок умудрился написать задник с собором так, что, вроде бы, крестов и нет. Они были, как бы в профиль, да еще небо было расписано пунктирными штрихами, что тоже размывало картину. Во время показа одноактного балета «Душа Испании» на телевидении в Харькове, где мы гастролировали, наших артисток заставили снять с костюмов кресты. Никакие доводы, что это часть костюма, авторское видение художника не возымели никакого действия – режиссер сказал, что не собирается из-за наших крестов ставить крест на своей карьере и лишаться работы. «Сами понимаете», – и он показал пальцем вверх. А на сдаче оперетты «Сильва» в зале сидел инструктор обкома партии по культуре с пьесой в руках и проверял текст! Там-то что искать? В оперетте, да еще написанной в 1915 году?! Рассказывают интересную историю про одного театрального художника в Москве. Он создал эскиз модернистской декорации к спектаклю (естественно, что даже само слово «модерн» для советской номенклатуры было ругательным), и посередине сцены поместил красный стул. Собрался худсовет театра (в состав любого художественного совета обязательно входили представители партийных органов) для приема эскиза. Первый же выступающий обрушился с руганью на этот стул: это «не наше», это «тлетворное влияние Запада», его необходимо убрать.

Художник ответил, что не согласен с этим, и стул здесь воплощает концептуальную идею. После слов о «концептуальной идее», уже все стали поносить злосчастный стул, даже друзья. Художник стоял на своем. После почти полутора часов дебатов художник все же согласился убрать этот стул. Эскиз приняли. Представитель райкома партии первым подошел к нему, пожал руку, поздравил, как он сказал, «с победой над собой». Друзья окружили художника, и один сказал: «Ну, согласись, что так лучше, стул тут ни к чему». «Конечно, это и дураку ясно. Зато никто не обратил внимания на все остальное, в противном случае «зарубили» бы весь эскиз!..»

Тогда, в 1967 году, по моей просьбе Юрий Нивин, талантливый художник и врач, изготовил значок в виде магендавида, который я потом долго носил на лацкане пиджака. Летом 1969 года в Уфе, где наш театр находился на гастролях, на улице ко мне подошел неизвестный человек и спросил: «Зачем?» Я ответил, что это протест против антисемитизма в СССР. Он протянул: «А-а-а...» – и отошел. Был это гебист или просто прохожий, не знаю. Во всяком случае, «органы» занялись мной лишь в 1970 году.

В том же 67-м, в июле, мы давали концерт на телевидении в Донецке. Режиссер посмотрел программу и все номера, авторы которых носили «подозрительные» фамилии вычеркнул из списка:

– Никаких Якобсонов, Шнеерсонов, Каганов, Коганов, Стравинских, Слонимских...

– Но Стравинский – русский! Его отец, бас Федор Стравинский, пел в Мариинском театре!

– А мне на это ... Фамилия-то как звучит? Мариинский театр – это при царе-горохе, тогда, может быть, и можно было, а сейчас – чтоб ничего еврейского! Я сам не Иванов (ну, это было видно), но ...

И он сказал то, что мы впоследствии слышали не раз: он сам ничего не имеет против, но «всевидящее око партии» следит за всем. Все, что идет в эфир, тщательнейшим образом просматривается, и если он пропустит – это будет считаться «идеологической диверсией», тем более что он сам еврей. А еще хочется пожить спокойно (какой, уж, тут покой?), доработать до пенсии, и дети растут...

Ну, что ж, может быть, он был и прав по-своему. Теперь уже его дети выросли, дай Б-г им здоровья. Интересно, где они сейчас, в Израиле? Или ходят в донецкую синагогу? Но может быть и так, не про нас будет сказано, – выступают против «человеконенавистнической сущности иудаизма», как Борис Спасский...

Мой еврейский вопрос

Зима 1953. В только что открытой новой школе № 25, куда нас, первоклашек, перевели из школы № 3, перемена. Шум, гам, куча-мала. Я стою в стороне. С вершины этой кучи скатывается мой одноклассник, ударяется лбом о батарею и рассекает бровь. Показалась кровь. Страшно. Я подбегаю, помогаю ему подняться, чтобы отвести в медкабинет. Вдруг сзади меня кто-то сильно хватает за руку и тащит за собой. Это – моя первая учительница Варвара Ивановна, которую я очень люблю. У нее перекошенное злобой лицо:

– Бандит! Негодяй! Убирайся домой, и без родителей не появляйся! Я не позволю тут, чтобы всякие цвибеля разбивали головы советским детям!

Я не плачу только оттого, что не в состоянии осознать услышанное. Причем тут я? Какие это «всякие цвибеля»? А я разве не советский ребенок?

На следующий день пришел в школу с папой. Он спокойный, но только очень собранный и бледный. Мы остановились возле дверей учительской, в которой было довольно шумно перед началом уроков. Папа, оставив меня ждать, вошел внутрь. За дверями наступила тишина. Пробыл он там, наверное, меньше минуты. Вышел, поцеловал

меня и сказал, чтобы я шел в класс и ничего не боялся. После звонка в класс вошла Варвара Ивановна с нервным румянцем на лице, и весь урок была какая-то сама в себе.

Я проучился у нее 4 года. Никогда никаких конфликтов с ней больше не было. Много, много лет спустя мы встретились на набережной у озера, где она гуляла с внуком. Она расспросила о моей жизни, работе, спросила, отчего умер папа.

– Папа у тебя был святой!

Мы еще несколько раз встречались, но я так и не осмелился спросить, что тогда сказал папа в учительской. Это так и осталось загадкой.

(Когда папа умер, я попросил в городской библиотеке, где он был активным читателем со дня ее открытия после войны, переписать на себя его читательский номер 369, по которому и получал книги. Библиотекарь Фаня Цукарева до сих пор, спустя более тридцати лет, часто вспоминает об этом.)

Когда пришло время менять паспорт – его меняли по достижении 21 года – я решил исправить в нем «пятый пункт» (я был записан русским). Пошел в Министерство внутренних дел. Получил пропуск к начальнику, очевидно, паспортного стола. Он оказался грузным, мрачноватым человеком, и что меня почему-то удивило, был не в милицейской, а в военной форме. Я сказал, что хочу при обмене паспорта изменить национальность. Он неторопливо развернулся на стуле, выдвинул картотеку, нашел карточку, внимательно прочитал ее, как мне показалось, даже дважды, и непонимающе произнес:

– Да у Вас тут все в порядке.

Я ответил, что хочу, чтобы там было написано «еврей».

То, что произошло после этих слов, я не в состоянии описать. Он побагровел, даже руки стали красными, как-то расширился и когда встал, казалось, заполнил собой весь кабинет, нагнулся надо мной и буквально прокричал:

– Уходи! Родители знали, что писать! Пусть придут сами!

Я не помню, как оказался на улице. Но, все же, отправился на консультацию к юристу. На табличке было написано: Виулена Арнольдовна Горная. Подходяще. Объяснил ситуацию. Виулена Арнольдовна спокойно разъяснила, что по закону, когда первый раз выдается паспорт, у кого родители разных национальностей, можно выбрать любую. Но менять – это сложный процесс, кроме того, могут возникнуть политические осложнения: с чего это вдруг молодой человек, живущий в стране, строящей коммунизм, сформировавшей нового *советского* человека, поднимает еврейский вопрос?

– Молодой человек, зачем Вам это нужно? – она сняла очки и посмотрела своими печальными глазами куда-то внутрь меня. – Какая разница, что написано в какой-то бумажке? Для себя будьте, кем хотите. Вам ведь еще жить жизнь, а она неизвестно, что преподнесет. (Недавно я спросил Виулenu Арнольдовну об этом случае, но она его не запомнила.)

И, все же, когда на меня заполняли анкету при приеме на работу в театр, я попросил, чтобы там было записано «еврей».

– Конечно, папа же у тебя еврей, – и секретарь спокойно заполнила так много значащую в Советском Союзе пятую графу. (Тогда даже ходил анекдот: Почему тебя не выпускают за границу? (или: не принимают в ВУЗ) У меня пять с плюсом.)

Кстати, о вузе. Когда я поступал в Ленинградскую консерваторию (в 1963 году) и очень успешно сдал специальность, что означало практически стопроцентное поступление, одна из абитуриенток, окончившая музыкальное училище с «красным» дипломом, по специальности получила двойку. Ее мать, которая приехала вместе с ней, кричала на всю консерваторию, что здесь сплошные евреи и принимают только евреев, всяких цвибелей, хумек, каганов, рабиновичей... Ректор консерватории Павел Серебряков вынужден был собрать специальную комиссию, и ее экзаменовали заново, но результат оказался тот же. Мамаша пообещала написать в ЦК. Но, поскольку у них была

украинская фамилия, им посоветовали ехать в Киевскую консерваторию, и конфликт был исчерпан.

Не знаю, как с «каганами и рабиновичами», а вот с Хумеком и Цвибелем дело закончилось не так благополучно: в приемную комиссию консерватории поступило письмо (оно просто опоздало к началу экзаменов) из Карельского обкома комсомола, где, как нам сообщили, не показав письма, было написано, что таким, как Александр Хумек и Дмитрий Цвибель не место в советском высшем учебном заведении. Нам вернули документы и попросили больше не беспокоить консерваторию своим присутствием. По иронии судьбы, когда через несколько лет семья Хумеков уехала в Америку, в их квартире поселился Шарапов – тот самый, который и подписал это письмо.

Я работал в Музыкальном театре, писал музыку. Выдающийся композитор Гельмер Синисало не видел, кто бы мог стать после него национальным карельским композитором, и предложил заниматься со мной, чтобы я продолжил его дело. (Он хорошо ко мне относился из-за папы, с которым был знаком еще с войны, и которого высоко ценил и как человека, и как музыканта. Гельмер Несторович любил вспоминать, как папа, увидев его каллиграфически написанные партитуры, сказал, что настоящие композиторы так не пишут, и поэтому композитор из него не получится. Но папа всегда признавал свою ошибку.)

– Гельмер Несторович, ну, представьте: карельский композитор Дмитрий Цвибель!

– М... да... Правда, Рувим Пергамент, Леопольд Теплицкий или Абрам Голланд не лучше. Но все равно – пиши.

Я и писал. Для национального ансамбля «Кантеле»: вокальные произведения «Калевальскую свадебную», «Дедушка-дедок», «Мужик, баба, да пожар»; для Музыкального театра – музыку к хореографическим миниатюрам «Карельский эскиз», «Айно», «Туонельский лебедь»; на радио и телевидении записал свой вокальный цикл «Карельская тетрадь»... Это исполнялось, и музыка воспринималась как вполне карельская, а я получал даже авторские гонорары.

Но писал и другое. На одном из правительственных концертов, посвященном Дню Победы, прозвучала моя песня-плакат «Помните, люди!» с такими словами:

В пылающем гетто, за миг до конца,
у рва, что к возмездью взывает,
кудряш пятилетний спросил у отца:
– А больно, когда убивают?..

Как удалось режиссеру концерта Семену Карпу убедить партийные комиссии пропустить на сцену такое в то время, не знаю. Может быть, потому, что автор стихов – финский поэт Тайсто Сумманен?

Зато в другой раз

Я написал специально для правительственного концерта песню «Партии» на слова Владимира Морозова для мужского вокального ансамбля с оркестром с таким рефреном: «Я благодарен, партия, тебе!» Была такая форма: выходили на сцену, одетые во фраки солисты, и горланили славословие партии («Фрачное по форме, ср... по содержанию»). Ну, я думал, под это дело и проскочит. Когда я показал песню режиссеру, который делал концерт, он был в шоке, зная мое отношение ко всему этому. Несколько раз мы встречались, он слушал и все выспрашивал, почему я вдруг написал такое. Что-то он почуял и, в конце концов, не взял. И оказался прав!

На самом деле, в мотив этого рефрена я заложил музыкальное ругательство, а чтобы это не показалось случайным, тромбоны в унисон контрапунктом раструбами кверху возвещали мое Credo: до-ре-ми-до-ре--до!!! В клавирном варианте это было закамouflировано, но в оркестре – все, как надо! Конечно, на первой же оркестровой

репетиции музыканты все поняли бы, но я надеялся, что меня не выдали б, а уж после исполнения... Скандал мог быть просто грандиозным!

Когда в 1991 году в Петрозаводске образовалось общество «Шалом», Герш Майрович Пукач предложил мне стать его членом, и я активно включился в работу. Это было как раз накануне первого празднования РОШ ha-ШАНА, которое взбудоражило еврейский мир Петрозаводска. Впервые за много лет евреи открыто, с афишами, не скрывая радости, отмечали свой праздник. Прекрасно организованный концерт (по моему предложению пригласили режиссера Семена Карпа, которого я хорошо знал), переполненный зал Финского театра, шведский ансамбль, вдохновенно исполнявший еврейские шлягеры, известные петрозаводские музыканты, клезмерский ансамбль Бориса Портного, искреннее выступление мэра Петрозаводска Сергея Катанандова, произнесшего свои известные слова: – Евреи, не уезжайте! Петрозаводск не самое плохое для вас место на земле! – все это создавало неповторимое чувство причастности к событию, определившему всю дальнейшую еврейскую жизнь города, и мою, в частности.

Я стал посещать заседания правления Шалом, учиться в воскресной школе. Чуть позже стал координатором Комитета по репатриации, координатором Сохнута, заместителем председателя общества Шалом, директором воскресной школы, ездил на всевозможные семинары, открывая для себя мир еврейства.

И вот – семинар в Израиле. Я иду к Стене. Очень осторожно прикасаюсь пальцами. Целую камни... И тут со мной происходит необъяснимое: меня просто душат рыдания, трясет, я не могу остановиться. В голове мелькают отрывки мыслей: почему **я** здесь? Миллионы и миллионы евреев мечтали об этом, но им не дано было придти сюда, за что удостоился **я**? Почему не мой папа? Почему не тысячи и тысячи праведников? Кто сможет исчислить всех, прошедших земную жизнь в изгнании, для того, чтобы **я** стоял здесь? Сколько поколений в разных концах земного шара, умирая и произнося последнее, 'שאל' וְנַפְשׁוֹ мысленно обращались именно к этому месту?..

Кто-то ко мне подходил, пытаюсь успокоить, кто-то продолжал молиться. Подошел хаббадник, попросил деньги на цдаку. Я отдал последние пять шекелей, оставленных на автобус, и в гостиницу добирался пешком.

Много позже, когда судьба вновь преподнесла мне подарок – учебу в Иерусалимском университете по программе «Мелтон» – из окна квартиры, где я жил, была видна Храмовая гора, и я молился, глядя на нее. А по субботам ходил молиться к Котелю – это всего около часа ходьбы от дома.

А до этого произошло событие, которое изменило мою жизнь. Речь идет о даровании Свитка Торы нашей общине. (Эта история еще ждет особого рассказа.)

18 июля 1996 года в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга мне был передан Свиток Торы. Я впервые в синагоге, впервые прижимаю к груди Свиток Торы, впервые выступаю с речью перед собравшимися на этот необычный праздник. И вот тогда в синагоге, обнимая Свиток, переполненный необъяснимыми чувствами, я физически ощутил связь со своим народом, своими корнями, теряющимися в глубине веков. Внутри у меня что-то произошло. Я стою у бимы лицом к залу, и не знаю, как начать. И вдруг откуда-то из глубины вырвалось: 'נס גדול היה פה!' (Чудо великое свершилось здесь!) Дальше уже пошло легко... Затем переезд со Свитком в отдельном купе в Петрозаводск, первая служба в помещении Шалом, первое чтение Свитка Торы. А затем – становление религиозной общины, которой в этом году исполняется десять лет. И сейчас уже можно сказать – община состоялась!

В этот период, для того, чтобы освоить какие-то азы ведения службы, получить элементарные понятия о структуре молитвы, ее смысле, меня пригласили в иешиву Санкт-Петербурга на десять дней. В общезжитии молодые иешиботники встретили меня слегка настороженно – слишком уж большая у нас была разница в возрасте. Зная, что теперь

необходимо соблюдать кашрут, я взял с собой только хлеб и килограмм сыра. Когда на кухне я достал сыр, ребята, боясь, что я его положу на стол, схватили меня за руку, и сказали, что сыр некашерный.

– Ну, и что мне с ним делать?

– Выбросить.

Я вышел во двор, и мусорный бак пополнился отличным свежим сыром, надеюсь, хоть, на радость местным мышам. Мой поступок оценили (не мыши, а иешиботники), и на протяжении моей учебы у нас установились дружеские отношения.

Придя в иешиву, которая располагалась в синагоге, я увидел на стене известный портрет Седьмого любавичского ребе и надпись «Вот – Машиах!» Мне это показалось уж слишком, и я высказал свое мнение на этот счет ребу Хаиму Толочинскому, ректору иешивы. Он спокойно ответил, что мне необходимо много учиться, для того, чтобы судить об этом. Я не обиделся и сел за стол. Педагогом моим оказался Шмуэль Соминский, талантливый молодой ребе, которому я бесконечно благодарен за полученные знания, за участие.

В перерыве мы вышли на лестничную клетку, разговорились. Оказалось, что сегодня приезжает из Москвы известный мозель для того, чтобы провести обряд брит мила, недавно родившемуся младенцу, на который собирается почти весь еврейский Петербург.

– А можно и мне заодно сделать брит милу? – спросил я.

Шмуэль закашлялся дымом сигареты, удивленно посмотрел на меня, потом радостно воскликнул:

– Конечно! Вот здорово! В моей практике не было, чтоб в таком возрасте!.. Да мы закатым грандиозный праздник!

Он убежал в класс, затем вернулся и спросил, как зовут мою маму.

– Тамара.

– Так Вы...

– Как бы, и не еврей. Но для этого я и хочу...

– Нет, так сразу нельзя, надо пройти гиюр, – он сник, мне его даже стало жалко.

Мой праздник не состоялся.

На одном из семинаров в институте Штейнзальца в Москве, участие в которых считаю за великую честь, оказанную мне, выделялся весьма колоритный раввин из Одессы по имени Велвл. Весь его облик напоминал карикатуру со страницы какой-нибудь советской газеты, клеймящей сионистов, хотя он был общительным, и даже по-своему обаятельным. Он громогласно заявлял, что настоящих евреев сейчас нет, они остались только в Одессе, да и то только в его синагоге. На соседней улице евреи уже не те. В Киеве, правда, есть еще горстка, которую можно назвать евреями, но дальше – уже тьма. Про Москву и говорить нечего! Когда ему сказали, что здесь собрались евреи со всего бывшего Союза, он стал подходить к каждому и выяснять, кто откуда, и почему они считают себя евреями. Подошел и ко мне. Когда я пытался объяснить, что Петрозаводск находится севернее Петербурга, он протянул:

– Сеевернее?! – неопределенно, куда-то в сторону махнул рукой и отошел на полуслове.

Надо было начинать Субботнюю службу, и раввины обсуждали, кого первым вызвать к Торе. Традиционно сначала приглашают кофенов, которых, обычно, в зале нет, затем левитов, с которыми тоже проблема, а затем самого уважаемого из присутствующих, или кого хотят отметить. Рав Штейнзальц предложил вызвать американца, который спонсировал этот семинар.

– Американца?! – Велвл замахал руками, и казалось, что их у него очень много, – да это еще хуже, чем Петрозаводск!!!

(Может быть, он не так уж и не прав.

Дело в том, что когда в Петрозаводск приезжала моя дочь, жившая в то время в Израиле, где прошла гиюр, она посещала нашу синагогу. После каждого посещения она ругала меня, говорила, что то не так, это не так, и вообще... Затем она уехала в Штаты. Через некоторое время звонит:

– Папочка, извини, все свои слова, сказанные в адрес твоей синагоги, я беру обратно. Да твоя синагога – это Храм! И не Первый или Второй, а уже Третий в сравнении с американскими!..)

Но ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Когда дошли до чтения Торы, габай спросил, есть ли здесь кохены, и по привычке, не останавливаясь, уже хотел спросить о левитах, как раздалось тихое «есть». От неожиданности все вздрогнули и посмотрели в сторону рыжеватого невысокого совсем еще молодого человека, бедно одетого, на которого на семинаре до этого не обращали внимания.

– Вы точно знаете, что происходите из рода кохенов?

– Да. Это – семейная традиция.

Его пригласили к Торе, он прочитал благословение, взял из рук опешившего бааль коре (читающего Тору) указку и стал читать сам. Да как читать! Все раввины сгрудились у бимы.

На киддуше он уже сидел во главе стола, рядом с раввом Штейнзальцем, который сам накладывал ему на тарелку. Концепция Велвла потерпела крах, но он сиял от счастья.

Однажды, перебирая бумаги синагоги, эскизы оборудования синагоги: Арон Кодеша, бимы, книжных и навесных шкафов – все это изготавливалось в Петрозаводске, я с удивлением обратил внимание на один из них. Это эскиз Скрижалей Завета для дверей Арон Кодеша. Дело в том, что все эскизы, перед сдачей в производство должны быть подписаны заказчиком, чтобы исключить в дальнейшем недоразумения в случае неточного выполнения. И вот на эскизе Скрижалей Завета, на которых вырезаны Десять Заповедей, написанных Вс-вышним, да будет Имя Его благословенно, и врученных Моисею на горе Синай, тех Заповедей, которые стали этической основой современной западной цивилизации, которые звучат во всех уголках мира на всех возможных языках, внизу размашисто написано: **ТЕКСТ СОГЛАСОВАН. ЦВИБЕЛЬ.**

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. **Иосиф Гин**

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Генделев. Из истории еврейской
общины Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной